

С. В. ШЕРВИНСКИЙ

**Отчет постоянной Комиссии по „Слову о полку Игореве“
Союза советских писателей СССР**

(За период с 1951 года по 1 декабря 1954 года)

Постоянная Комиссия по „Слову о полку Игореве“ Союза советских писателей СССР возникла в начале 1951 года по инициативе группы литераторов, в частности переводчика „Слова“ И. А. Новикова, который и состоит председателем Комиссии с ее основания. Комиссия считает, что в центре ее внимания должны стоять творческие вопросы как в отношении самого памятника, так и его переводов и переложений. Однако, учитывая, что эти вопросы самым тесным образом связаны с пониманием текста „Слова“ и с правильным освещением социально-исторического фона, географических данных, языковой стороны и т. д., Комиссия не ограничивает себя какой-либо узкой областью, открывая свои двери для сообщений разнообразного характера. В работе Комиссии участвуют как члены ССП, так и некоторые, не состоящие в ССП, исследователи и переводчики „Слова“.

Комиссия открыла свою деятельность докладом поэта Н. А. Заболоцкого „Ритмика «Слова о полку Игореве»“ (11 апреля 1951 г.), в котором автор указывает на смены ритмов в структуре „Слова“ и подчеркивает связь ритмики „Слова“ с приемами народной словесности. Как известно, концепция последовательных ритмических характеристик легла в основу стихотворного переложения „Слова“, сделанного Н. А. Заболоцким и опубликованного впервые в 1946 году.

Той же весной Комиссия заслушала доклад проф. В. А. Дынная-Соколовой „О жанре «Слова о полку Игореве»“ (31 мая 1951 г.).

Противопоставляя „Слово“ поучительно-риторическим памятникам древней Руси, проф. Дынная полагает, что „Слово“ принадлежит к жанру устного эпического творчества. Докладчица пытается определить, к кому, собственно, обращено „Слово“, и приходит к выводу, что обращено оно непосредственно к князьям, которых автор призывает к единению, но что через их голову он адресуется к общественному мнению. Полемизируя с традиционным пониманием отношения автора к Бояну, докладчик утверждает, что автор считает себя последователем Бояна. Проф. Дынная сообщила, что сделанный ею доклад представляет собою часть ее большой работы над „Словом“.

В дальнейшем работа Комиссии была главным образом посвящена, с одной стороны, вопросам историческим, с другой — разъяснению ряда „темных мест“ „Слова“ и толкованию некоторых изложенных в „Слове“ событий.

В этом ряду следует прежде всего упомянуть обширный доклад генерала-лейтенанта проф. В. Г. Федорова, автора книги „Военные вопросы в «Слове о полку Игореве»“, — „Новые изыскания по военным вопросам «Слова о полку Игореве»“ (18 марта 1952 г.). В центре внимания доклада стоял вопрос о точном установлении места действия военных событий „Слова“. Автор развивал положения, изложенные в его книге, и демонстрировал старинные карты, в которых автор находит подтверждение своей теории о том, что битвы Игоря с половцами произошли в районе реки Кривель, у слияния рек Орели и Орельки.

К докладу проф. В. Г. Федорова тесно примыкает по теме доклад, сделанный в Комиссии А. В. Позднеевым: „Об исторических событиях, отраженных в «Слове о полку Игореве»“. Докладчик указывает на то обстоятельство, что в вопросе о походе Игоря между летописями и современным пониманием существуют противоречия, приводит ряд хронологических данных и соображений о приготовлениях половцев к походу на русских. Он полагает, что поход Кончака на Киев имел место не в 1184, а в 1185 году. Докладчик подчеркивает оригинальность плана Игоря, предпринявшего свой набег на половцев в пору весеннего разлива рек, на что указывал и проф. В. Г. Федоров, но полагает, что и Кончак выступил в поход во время весеннего разлива, т. е. его план оказался одинаковым с планом Игоря, что, при неравенстве сил, и привело войско Игоря к катастрофе. Основываясь на данных Татищева, пользовавшегося ныне утраченными летописями, докладчик противопоставляет Игоря Святославу Киевскому, стоявшему за союз с половцами. Игорь, по мнению докладчика, поступил не легкомысленно, а вполне сознательно и проявил в своей инициативе подлинную патриотичность. Факты, извлекаемые докладчиком из изучения исторического материала, приводят его к заключению, что следует пересмотреть многое в понимании обстановки, в которой происходил поход Игоря 1185 года.

Целый ряд заседаний Комиссии был посвящен прослушанию и обсуждению отдельных глав большой работы Е. Ф. Корша по „Слову о полку Игореве“. Состоялось 10 докладов Е. Ф. Корша, а именно:

1) „Троян“ (13 февраля 1953 г.). Докладчик развивает ту мысль, что Троян, Троянова земля, Троянова тропа и Троянова эпоха („вѣчи Трояни“) еще были для Бояна, для автора „Слова“, дружинной среды и значительной части слушателей вполне реальными объектами, известными им по дружинным, военно-историческим сказаниям, не имеющим, однако, ничего общего с балканскими легендами об императоре Траяне.

2) „Див“ (2 марта 1953 г.). Докладчик считает образ Дива отголоском иранского дуализма. Див, по мнению докладчика, антипод светлого солнечного начала. В „Слове“ Див явно противопоставляется Дажь-богу, так же как русские даждь-божьи внуки противопоставляются дивьим (бесовым) детям — половцам.

3) „Харалуг“ и 4) „Кольчуги и вопрос об импорте вооружения“ (14 апреля 1953 г.). Оба доклада посвящены двум ответственным видам вооружения — мечам и кольчугам. Независимо от собственного производства, эти два предмета в большом количестве ввозились. С ростом военных сил росла и потребность в импорте этих предметов вооружения. Два события — нашествие сельджуков и крестовые походы — прерывают или смещают прежние торговые пути и связи. Во второй половине XII века положение ухудшается, особенно для Киевско-Черниговской Руси. Наиболее доступным для нее оставался Кавказ, где действовали значительные центры оружейного производства, в частности кольчуг и мечей. „Харалуг“ — вероятно крымско-приазовская огласовка западно-

тюркского „каралуг“, что в применении к мечам значит „вороненый“. Боевую ценность этих мечей составляло соединение твердости стали (наваренных лезвий) и вязкость железа (середина полосы).

5) „Копие приломити“ (23 декабря 1953 г.). Это выражение, по мнению докладчика, включает вполне реальное содержание, обусловленное диалектикой развития вооружения и соответственной боевой тактикой.

6) „Стрикусы“ (тогда же). Докладчик видит в слове „стрикусы“ вне всякого сомнения топоры, но с более длинным топорщиком (для двух рук) и другой формы, чем „боевые“ топоры, германские и русские.

7) „Шереширы“ (тогда же). Докладчик приводит доказательство того, что „шерешир“ — зажигательный снаряд ракетного типа, пускавшийся со станка или станкового самострела. Рязанские Глебовичи были непосредственными соседями придонской степи, которую они в сухую погоду выжигали, ограждая свои пределы от близкого соседства половцев или тревожа половцев в их собственных пределах. Таким образом, имелось основание называть их „живыми шереширами“.

8) „Бегство Игоря“ (24 марта 1954 г.). Разбирая условия побега Игоря, докладчик приходит к убеждению, что Игорь бежал осенью того же года, приблизительно в начале октября. Рисуя схему обычной речной поймы, докладчик полагает, что единственное место, где беглецы могли продвигаться и вместе с тем быть „невидимками“, — это заросли лозы, которые более или менее широкой полосой шли по краю поймы. Гзак и Кончак напрасно ездили по берегу поймы, надеясь, что такие птицы, как сороки, вороны, галки да и те же чайки, выдадут присутствие Игоря и Овлура своим особым криком, но птицы молчали, потому что не могли видеть беглецов, а не могли видеть потому, что Игорь и Овлур ползли лозняком — „бо лозию ползоша“.

9) „Преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся (сами?) подѣлимъ“ (7 апреля 1954 г.). По мнению докладчика, это высказывание Игоря стоит в прямой связи с походом предшествующего года, где отличился молодой князь Владимир Глебович, который начал разгром половцев один и этим заслужил „переднюю славу“, а затем довершил его вместе с подоспевшими князьями и, таким образом, разделил с ними и последующую („заднюю“) славу. Ту же роль думал сыграть и Игорь в походе 1185 года.

10) „Поють время Бусово“ (9 июня 1954 г.). Толкование Буса как антского вождя Боуса, по мнению докладчика, искусственно и неубедительно. Докладчик видит в Бусе имя какого-то кочевнического вождя или хана (ср. „Бусова крепость“ у южного Донца). Возможно, что „Бус“ — местная огласовка хана Булуша или Булуса. Что касается Шаруканя, то он должен был быть одинаково ненавистен и готам, и Тмутараканской Руси, и южному Крыму.

Толкованию „темных мест“ „Слова“ были посвящены еще два сообщения. В. И. Стеллецкий в докладе „К изучению текста «Слова о полку Игореве»“ (10 марта 1954 г.) дает разъяснение выражения „князю Игорю не быть“. Полемизируя с существующими толкованиями, докладчик указывает на связь разбираемого отрывка с былинной, сказочной необычайностью, с устным народным творчеством. Побег князя Игоря дается, по мнению докладчика, в древних, сказочно-языческих представлениях оборотничества. Исходя из этого, докладчик предлагает новое, ранее не высказывавшееся разъяснение данного „темного места“: он видит в выражении „князю Игорю не быть“ („не быти“) инфинитивное предложение. Напоминая, что подобные предложения нередко встречаются в русской речи со значением неизбежности, необходимости

или сильного желания, а также широко употребительны в устном народном творчестве, докладчик считает закономерным здесь наличие дательного падежа (дательный при инфинитиве). Он понимает эти слова как возглас Овлура. Докладчик приводит аналогии подобного употребления дательного падежа в русских, белорусских и украинских заклинаниях.

Докладчик считает, что его понимание данного „темного места“ дает ключ к истолкованию также и выражения „не мыслію ти прелетѣти“, которое следует понимать тоже как предложение инфинитивное.

В. Ф. Соболевский посвятил свое сообщение начальной фразе „Слова“ — „Не лѣпо ли ны бяшетъ...“ (12 мая 1954 г.). Докладчик полагает, что самый приступ „Слова“ имеет уже композиционное, конструктивное значение. В понимании этого приступа докладчик видит уклончиво выраженный отказ от бояновой традиции, в чем приближается к толкованию этого места, данному Пушкиным. Докладчик предлагает, основываясь на аналогиях в древних памятниках, писать „не лѣпо“ слитно. Это свое понимание докладчик положил в основу подготавливаемого им перевода „Слова“.

Значительный интерес Комиссии вызвало сообщение Г. П. Шторма, поделившегося своими впечатлениями от поездки в Курскую область, предпринятой с целью напасть на следы древней рукописи „Слова“ (6 февраля 1952 г.).

21 апреля 1954 года Комиссия заслушала доклад А. В. Позднеева „О трех экземплярах издания «Слова о полку Игореве» 1800 года“.

Комиссия в ходе своей работы поручила С. В. Шервинскому дать рецензию на перевод „Слова“, выполненный Н. П. Анцукевичем (Вильнюс) и присланный автором в Комиссию для отзыва. Рецензия С. В. Шервинского была затем зачитана на заседании Комиссии (7 апреля 1954 г.) и направлена Н. П. Анцукевичу. На том же заседании В. И. Стеллецкий огласил свой краткий отзыв о работе Н. П. Анцукевича.

В начале текущего академического года Комиссия заслушала новый стихотворный перевод „Слова“, исполненный Е. Н. Бируковой (20 октября 1954 г.). Перевод этот, отличающийся несомненными поэтическими достоинствами, принадлежит к разряду тех, которые склоняются в сторону народного творчества в отношении ритмическом и лексическом.

Доклады в Комиссии вызывали оживленные прения, в которых под руководством председателя И. В. Новикова обычно принимали участие все присутствующие на заседании.